

Дети войны

Свирид Н. В.

Научный руководитель канд. ист. наук, доцент Хромченко Д. Н.
Белорусский национальный технический университет

Я хочу рассказать, что случилось с моей прабабушкой, Галиной Казимировной Ганыш, в те памятные и одновременно устрашающие годы войны. До войны семья Адуцкевичей ничем не выделялась среди жителей Красного Берега, что в Жлобинском районе Гомельской области. Отец работал на крахмальном заводе, мать занималась домом, в семье было восемь детей. Когда началась война, семья пыталась по-прежнему жить и работать. Не получилось. В 1943 г., взорвав завод, старшие братья ушли в партизаны. За ними последовали все: на милость врага рассчитывать не приходилось.

Партизанскую деревню вскоре сожгли каратели, и Адуцкевичи вместе с другими семьями спрятались в болотах. Жили на острове под открытым небом. А зимой 1944 г. началась жестокая блокада. Им удалось выжить, однако счастье от спасения оказалось недолгим: Галя заболела тифом. Потом болезнь перекинулась на сестру, отца, брата.

Терять было нечего, и они вернулись в Красный Берег, чтобы, пережив чудо исцеления (поправились все), начать отсчет новым бедам. И 28 марта 1944 года, когда до освобождения Беларуси оставались считанные месяцы, отца, Гаю, старшую сестру Нину арестовали за связь с партизанами. Двое суток в гестапо шли страшнейшие допросы. Девочек исполосовали плетками. У отца выбили зубы, вырвали щипцами волосы. Их обещали расстрелять на рассвете. Бросили в машину, где уже лежали подготовленные для рытья могил лопаты, но почему-то отвезли в тюрьму г. Бобруйска, затем в Минск. Боль, допросы, незримая тень смерти. И шесть ужасных суток, проведенных в товарняке без еды и воды. Их везли в Освенцим.

Из кирпичных зданий, похожих на фабрику, валил черный дым – это были крематории Освенцима. Отца и девочек сразу повели на смерть. И вдруг остановили у последней черты: оказалось, минский эшелон перепутали с еврейским. Новая жизнь у Галины Казими-

ровны началась с номера на левой руке – 79957-й. Но это была жизнь, хоть и страшная, тяжелая, но жизнь.

Карантинный барак. В три часа ночи арестантов выгоняли на улицу, до шести они стояли, иногда с вытянутыми руками. Под музыку колоннами отправлялись на работу. Упавших убирали и отправляли в крематорий. Каждый день сжигали по 100-200 человек. Люди не знали, куда их ведут, и тихо шли на смерть. Те, кто догадывался о своей участи, пытались убежать. Их силком загоняли в печи. Крики, плач, стоны. И опять мертвая тишина.

Сейчас бабушка считает, что выжила только потому, что рядом была сестра, которая ее всегда подбадривала. Нина заставляла ее есть скользкое сладкое месиво из протухшей ржи, которое невозможно было взять в рот. Заключение тысячами умирали от истощения. Крематориев не хватало. Людей уже жгли в открытых ямах.

В январе 1945 года их пешком отправили к железнодорожной станции. Шли двое суток. 130 километров. В тонких полосатых робах, укрытые легкими покрывалами, в деревянных колодках на ногах, истощенные и обессиленные. Это была дорога в Бухенвальд.

Им казалось, что после Освенцима ничего не может быть страшнее. Первое, что увидели в Бухенвальде, – огромное колесо, которое, держась за бревно, крутили десятка два-три изможденных мужчин. Крутили, пока не падали. Их убивали дубинками...

А затем был Берген-Бельзен. Тогда они еще не догадывались, что жестокость всех фашистских лагерей на протяжении многих лет будет ассоциироваться именно с Берген-Бельзеном. Это была настоящая фабрика по уничтожению людей.

Здесь все были обречены. Осужденные на смерть просто ждали своей очереди. Особняком в лагере за колючей проволокой держали военнопленных, для которых не нашлось даже барачков. Они руками рыли себе землянки.

Грязные бараки, битком набитые истощенными до костей человеческими тенями и грудями (до десяти тысяч) захороненных трупов, – так выглядел Берген-Бельзен при освобождении в апреле 1945 года английскими войсками.